

Хищная Орхидея

Автор:

Екатерина Полянская

Хищная Орхидея

Катерина Полянская

Возвращаться домой оказалось так же неприятно, как я и представляла. Но теперь я не обливающаяся слезами девчонка, которая убегала отсюда в платье служанки и без монетки денег. Я – выпускница столичной Академии ведьм, по праву считавшаяся самой красивой и самой коварной на потоке. Не зря меня прозвали Хищной Орхидеей и опасались даже дружить со мной, не то что переходить мне дорогу. И пусть тот, кто выжил меня из дома – фейри и самый обаятельный негодяй, каких видела наша провинция... он сильно пожалеет! Теперь я готова к любой битве.

Катерина Полянская

Хищная Орхидея

Глава 1

Дилижанс сильно качнулся и стал двигаться медленнее. Я в последний момент успела выровняться и только чудом не приложилась носом о спинку соседнего сиденья. Настроение тоже качнулось, сползая с отметки «очень плохое» на «препоганейшее».

Возвращаться домой оказалось так неприятно, как я себе и представляла. Ну хоть не придется появляться с кровоточащим носом. Я здесь не для того, чтобы лишний раз унижаться.

Я откинулась на продавленную спинку сиденья и нервным движением разгладила подол темно-синего платья. Дорогая ткань, белоснежные кружева, целомудренно прикрывающие декольте и часть шеи, и модная шляпка с драгоценной брошью приковывали взгляды не только женщин, но и мужчин. Но если первые смотрели изредка и осторожно, надеясь, что я не замечу, то последние почти всю дорогу пялились с любопытством и почему-то с неодобрением.

Почти всех своих спутников я узнала. Они меня... похоже, нет.

– Госпожа по делу в нашу глухомань или в гости? – Мы уже подъезжали, когда господин Фэнс решился заговорить. Все остальные наострили уши. – А к кому, если не секрет?

Об этом человеке я помнила две вещи: от него вечно пахло чем-то кислым, и его жена всегда была беременна. Судя по тому, что с ним ехали две почти взрослые дочери и мальчишка лет пяти, в этом плане мало что изменилось. К счастью, я еще утром, на постоялом дворе, наложила заклинание, избавившее меня на время дороги от всех неприятных запахов, так что понятия не имела, чем от него несло.

– Секрет. – «Госпожа» чуть повернула голову и сверкнула ведьминскими огнями в глазах. По рукам, от кончиков ногтей к локтям, зазмеились сияющие узоры. – Еще вопросы?

Немногочисленные спутники дружно ойкнули и не менее дружно потеряли ко мне интерес.

Конечно, если бы я, как все приличные ведьмы, носила остроконечную шляпу, недоразумения бы не возникло. Но я предпочитала одеваться как нормальный человек. В конце концов, если я ведьма, это еще не повод отказывать себе в хороших вещах! Тем более что я сама на них заработала, чем и гордилась. Но шляпу, против обыкновения, все равно зачем-то сунула в чемодан.

Очередной взгляд за окно показал, что мы как раз проезжаем мимо указателя.

Реведшир.

Скоро должны въехать в город.

Шесть дней в пути, и это быстрым способом передвижения через природно-магические переходы. Шесть билетов на разные дилижансы, а между ними – не всегда комфортные постоянные дворы. Сейчас я могла думать исключительно о пенной ванне и возможности принять горизонтальное положение.

Еще один быстрый взгляд в окно – и на губах появилась полная презрения усмешка. Нет, меня не то чтобы сильно раздражала разбитая дорога. Тем более что скоро колеса начнут подпрыгивать на камнях мостовой, а нищенские лачуги вдоль улицы сменят приличные дома. Насколько помню, тут попадаются довольно красивые.

Наш – лучший. Не просто дом, Гердерское поместье.

И моя мать – самая настоящая герцогиня.

Была.

Стоило позволить мыслям побежать в ту сторону, и из воспоминаний выплыл огромный каменный дом с башенками. Спину будто кошка когтями царапнула.

Меня передернуло.

Ладно, Эмая, все будет хорошо. На погребение и связанные с ним ритуалы я не попала. Значит, послушаю завещание, максимально быстро и как можно более неприятно кое для кого избавлюсь от своей части наследства и снова уеду. На этот раз уже навсегда.

Все предельно просто. Вроде бы.

Дилижанс остановился, вокзальные работники помогли вытащить багаж.

Я полыхнула глазами на окруживших меня извозчиков, зачаровала чемодан таким образом, чтобы он летел следом, и уверенно направилась к месту, которое некогда называла домом. Тут не то чтобы два шага, но... мне надо было собраться с мыслями.

Редкие поздним вечером прохожие поглядывали с интересом, но не узнавали. Еще бы! Теперь у меня огненно-рыжие волосы, гораздо более женственная фигура и одежда не хуже той, какую носят придворные красавицы. Но, в отличие от них, мне не покупали ее богатые любовники.

Чем ближе подходила к дому, тем труднее становилось контролировать мысли.

За каким демоном меня вообще позвали?! Будет смешно, если выяснится, что мне что-то досталось.

Но на приглашении стояла магическая печать – сила рода не дала бы его проигнорировать.

Идти было не тяжело, но дыхание сбилось.

Мать я не увижу, ничего нового о себе не услышу. Больше никогда. Не то чтобы мне очень жаль... Но там – он. Мой кошмар.

Мир перед глазами померк, я возвратилась в прошлое.

Мне было семь.

В тот день мы шли из храма. Значит, был какой-то праздник. Меня нарядили в красивое платье и вручили няньке, чтобы держала за руку и следила, пока мать занимается своими делами. В смысле задирает нос перед городскими сплетницами. Дела молодой герцогини сводились в основном к этому.

На площади собралась галдящая толпа. Они окружили... что-то и на разные голоса ужасались: «Какая мерзость!» – и так далее. Мы тоже пошли посмотреть. Хотя мать, конечно, нацепила на холеное лицо выражение из разряда «мне вообще не интересно, я вам всем делаю огромное одолжение». А вот нянька аж притопывала от любопытства.

Лучше всех видно было мне. Высвободив руку из плена горячей ладони, я юркнула меж многочисленных штанов и юбок, растрепала ленту в косе, измазала подол платица в грязи... и встретила любопытными глазенками с яркими фиолетовыми глазами. Глаза принадлежали мальчику, но его взгляд казался взрослым и серьезным. Он не был человеком – слишком яркие глаза, белоснежные, будто слегка сияющие, волосы, тонкие брови идеальной формы и слегка заостренные, но все равно прекрасные черты лица. Было в нем что-то нереальное. Именно поэтому его посадили в клетку, морили голодом, возили по захолустным городам и показывали как какую-то диковинку.

Глядя на выступающие кости, обтянутые полупрозрачной кожей, я даже жалела его.

А через несколько минут случилось странное.

Герцогиня, которая и на собственную-то дочь едва обращала внимание... Не то чтобы я ее осуждала – титул налагает столько обязанностей! Надо строить из себя важную даму, задирать перед всеми нос и все такое прочее. Но, признаюсь, мне было грустно до слез, когда другим девочкам совали конфеты, целовали и обещали, что со временем они станут красавицами, и заезжий принц обязательно влюбится, женится, а потом перевезет всю семью в столицу. Мне сладостей не покупали, лишь однажды мама холодно бросила, что от них появляются прыщи и лишние сантиметры на талии. И книжек мне не читали, потому что нянькой была простая деревенская девка, которая этого просто не умела. И вообще, я собственными ушами слышала, как мама вздыхала и сожалела в своем будуаре, что успела забеременеть раньше, чем старый герцог отдал душу богам. Всего на несколько недель. В противном случае она была бы свободна.

В общем, я до сих пор не понимала, зачем герцогиня выкупила мальчика. Может, титулованным особам полагается раз в несколько лет делать одно доброе дело? Или он как-то околдовал ее?

Да, наверняка околдовал.

Домой они поехали в вызванной карете, а мы с нянькой пошли пешком. Нянька была в таком восторге от поступка «милостивой, добросердечной госпожи», что даже не стала рассматривать обитателей остальных клеток. Но я успела. Там

находились какие-то животные, некоторые – волшебные. Ничего особенного.

Значения инциденту я тогда не придавала. Решила, что странного мальчика покажут доктору, а потом отдадут в приют при храме или кому-то из слуг. Ну а куда его еще девать?

Дома Яза помогла мне переодеться в чистое платье и причесала. В столовой няньке появляться не позволялось, так что я пошла одна.

И чуть не окаменела, потому что спасенный мальчишка не просто был там, а сидел за столом. И не просто за столом – на одном из мест, предназначенных для членов семьи. А именно – на том стуле, который занимал бы сын герцогской четы, если бы он у них имелся. Но его не было и не могло появиться ввиду смерти герцога, моего отца, а в домах аристократов регламентировано все, вплоть до мест за обеденным столом, так что стул всегда пустовал. Ну, с появлением худого мальчика с фиолетовыми глазами – уже нет.

Заметив меня, мама холодно бросила:

– Это Моррис, он будет жить с нами. – И, смерив меня недолгим взглядом, добавила: – Да, он фейри. Эмая, отомри и садись за стол. Мы уже поняли, что ты очень удивлена и вообще в восторге.

В восторге я точно не была. Я думаю, именно это они и поняли.

Жить с нами? Зачем? С какой вообще радости?!

Вторым и, пожалуй, еще более сильным потрясением стали сладости на столе. Засахаренные фрукты в песочных корзинках из кондитерской господина Лерута, воздушные пирожные и штрудель оттуда же. На этот раз мне никто не запрещал что-либо взять, но я могла только смотреть. Рука почему-то не тянулась к лакомствам. А Моррис ел. И несколько раз поблагодарил госпожу. Вежливо, искренне, но сдержанно и с невероятным достоинством.

В комнату я вернулась с пониманием: в доме что-то изменилось. И в моей жизни – тоже. Но вот к лучшему ли?

Моррис остался жить в поместье. А я долгое время не могла понять, зачем он вообще нужен, если не особенно нужна я? В чем тут смысл?

После этого случая молодую герцогиню в городе наконец зауважали. До этого-то относились снисходительно и считали, что она умеет только важничать и устраивать праздники. А тут такой поступок! Общественность даже подзабыла, что мальчишка – нелюдь, и когда фейри сидел в клетке, они же сами шептались: «Фу, гадость, и носит же такое земля!» Как-то быстро он стал считаться воспитанником герцогини Гердерской. И когда заходил в лавку или еще куда-нибудь, ему даже взрослые мужчины почтительно кланялись.

В свои семь я сначала подумала, что мать спасла его, чтобы в городе ее полюбили. Так ведь и получилось. Но к чему тогда сладости, дорогие подарки? Даже в те дни, когда мать устраивала приемы, она всегда заходила к приемышу, чтобы узнать, как прошел день, не нужно ли чего и пожелать спокойной ночи. Она брала его с собой на охоту, и в тот единственный раз, когда имущественные дела заставили ее поехать в столицу, Моррис отправился с ней. Словно это он был ее родным любимым ребенком, а я... меня как будто вообще не существовало.

Нет, меня ни в чем не ограничивали. Сначала игрушки, через несколько лет – наряды и драгоценности, которые полагались герцогской дочери. И деньги на личные расходы. В завещании отца имелся пункт, указывавший, что его ребенок не должен знать отказа ни в чем.

Жаль, там не было ни слова о любви или хотя бы внимании.

К демонам! Сдалось мне их внимание!

Умненькому и талантливому Моррису наняли свору учителей. Меня же обучали лишь самому необходимому – читать, писать, немного математике, немного домоводству. Когда я заикнулась, что тоже хочу посещать все занятия, мать скривилась и заявила, что девочке не должна быть интересна вся эта ерунда. И я несколько месяцев подслушивала под окном, чему учат Морриса, притворяясь, что просто сижу на скамейке с книгой. Поздней осенью окно во время уроков перестали открывать. А в начале зимы, пытаюсь подслушать, что творится в классной комнате, я свалилась с выступа под крышей и сломала руку. Зато через пару дней меня все-таки пустили внутрь, к явному неудовольствию

бородатого учителя. Уж не знаю, что заставило мать пойти на уступки.

И все повторилось: учителя порхали вокруг «чудесного мальчика» и «талантливого парня», а меня воспринимали как взбалмошную девчонку, которая сидит тут непонятно зачем. Конечно, они не смели высказываться вслух, но взгляды и лица их выдавали.

С четырнадцати лет мать стала брать нас с собой на приемы, чтобы мы мелькали в обществе и обзаводились знакомствами. Надо упоминать, что Морриса все обожали? Наверняка он околдовал всех, потому что объяснить это иными причинами я не способна.

У фейри же есть какие-то способности? Ну вот.

На следующий год проснулся мой дар. Он просыпался тяжело. Я что-то взорвала в оранжерее, потом подожгла классную комнату и на две недели слегла с сильным жаром. Помню, мать вплыла ко мне скорбной тучкой и долго причитала, что ведьма в семье – это отвратительно и я во что бы то ни стало должна подавить в себе эти наклонности. Ну и потом мне частенько доставалось, когда магия выплескивалась наружу и в доме происходили мелкие разрушения. Я просто не умела контролировать дар, никто не позаботился меня научить. Способности фейри герцогиню тоже не приводили в восторг, но его она мягко увещевала, ласково просила сдерживаться. Никогда не кричала, как на меня, и не смотрела, как на самое мерзкое существо на свете.

Ведьму в городе нашла я сама и упрямо набилась к ней в ученицы. Не знаю, как Моррис пронюхал, но это он наябедничал матери. Они отчитывали меня на пару. Мол, не пристало герцогской дочери быть ведьмой. Простолюдинке можно, а такой, как я, – нет. Два месяца меня продержали под домашним арестом, потом еще некоторое время пристально следили. Когда же я смогла выбраться к наставнице, ее дом был пуст. Она вроде как переехала.

Примерно тогда я поняла, что нормально учиться смогу только в столичной Академии ведьм. Там защищают учениц даже от их высокородных родственников. Но туда предстояло еще попасть...

Первая попытка провалилась все из-за того же Морриса, чтоб его демоны в подземном царстве жрали. Этот маменькин подлиза лично вытащил меня из

дилижанса и приволок домой. Отчитал, как будто имел на это право. Потом смотрел своими нереальными глазищами и проникновенно обещал, что ничего не расскажет матери, просто я не должна больше пытаться сбежать. Но, конечно, доложил ей тем же вечером. Он был с нами в гостиной, когда герцогиня обозвала меня магическим недоразумением и вlepила пощечину. Наверное, получал удовольствие от этого зрелища.

Несколько месяцев я вела себя тихо, но не потому что сдалась, просто осознала: с этой парочкой еще до академии придется стать коварной ведьмой, если я хочу попасть туда и учиться. А я хотела, очень! Поэтому притворялась, выжидала... дала одной из влюбленных служанок ключ от комнаты Морриса в обмен на платье; во время одной из ярмарок, притворившись, что гадаю на суженого, как и все девушки, выведала у цыганки заклинание сонного полога, потом долго училась его правильно накладывать. Когда все было готово для побега и оставалось только точно определиться с днем, мать снова вспомнила обо мне и пригласила в свои покои для личного разговора.

Личным он быть не мог. На одном из ее бархатных диванов сидел Моррис. При виде моего персонального ужаса я почувствовала неладное.

– Эмая, ты должна выйти замуж, – прямолинейно сообщила родительница.

Ноги ослабли, и я совсем не грациозно плюхнулась на диван. Чем заработала осуждающий взгляд герцогини. Но взгляды меня больше не трогали, я к ним давно привыкла. По-другому мать на меня никогда не смотрела.

– Я его хоть знаю? – спросила, прикидывая в уме возможные варианты.

Замуж... Не так уж и неожиданно. Мне было уже почти семнадцать, а на то, чтобы утрясти все договоренности, подготовить помолвку, а потом и свадьбу, должно уйти какое-то время. Довольно длительное. Так что начинать лучше сейчас. Но почему-то не покидало чувство, что меня хотят вышвырнуть из моего же дома...

Однако в тот раз я ошиблась.

– И очень близко! – радостно объявила мама. – Твоим мужем станет Моррис. Ну не делай такое лицо! Это отличный вариант. Вы знакомы с детства, тебе не

придется перебираться в неизвестное место. Он твоего возраста, что тоже немаловажно, поверь моему опыту. И точно будет хорошо к тебе относиться.

А еще он воспитанник моей матери. И почему мне кажется, что это не совсем нормально?

Предмет разговора слушал нас с очаровательной улыбкой.

Небо, неужели за эти годы не стало понятно, что мы вообще не ладим?!

– За что ты меня так ненавидишь? – эмоционально выдохнула я.

Ее передернуло. Как будто я... угадала?

– Я забочусь о тебе, – снисходительно, как полной дуры, пояснила она мне. – Лучшего мужа в наших местах тебе не найти. Нужен кто-то, кто станет о тебе заботиться. А для Морриса это шанс закрепиться в обществе, получить герцогский титул. Он уже троих управляющих поймал на махинациях, они нас обворовывали. Только ему можно полностью доверять.

Разумеется. Скользкий жук планирует завладеть герцогскими богатствами. Глупо воровать то, что скоро собираешься получить на вполне законных основаниях.

Заботилась мама исключительно о нем, а не обо мне.

– Нам будет хорошо вместе, вот увидишь, – подал голос предмет обсуждения. – Прекрати уже меня ненавидеть!

Я сама способна о себе позаботиться! Или стану способна, как только смогу вырваться отсюда.

– Идите к демонам! – прошипела я и унеслась в свою комнату.

Но в ту ночь я никуда не сбежала, иначе бы меня точно поймали, и была бы я сейчас замужем, а может, еще и при детях.

Выжидала почти месяц. Даже перетерпела два пикника с «женихом».

А потом выбрала день, решилась, дала влюбленной служанке ключ от комнаты ее принца, наколдовала сонный полог у комнаты матери, влезла в страхолюдское платье и отправилась на вокзал.

Сейчас или никогда!

Билет покупать не стала: зачаровала одного из прохожих, чтобы он его потерял. Потом еще одного, и еще... пока не попался простофиля, который, вместо того чтобы восстановить прежний билет, просто купил новый на другое время. А я, дрожащая от магического истощения и глотающая слезы облегчения, забралась в дилижанс.

В столице было далеко не так легко, как представлялось, но я справилась. С первого раза поступила в академию. Нашла работу. Два года жила с постоянной оглядкой – все переживала, что нагрянут родные. Найти меня не так уж и сложно. Но время шло, никто не появлялся... И я, в конце концов, поняла, что меня даже не пытались искать.

Ну и к демонам.

Работу я поменяла, смогла позволить себе вещи, к которым привыкла в прежней жизни. В большом городе услуги хорошей ведьмы, которая к тому же умеет держать язык за зубами, ценятся высоко. Академию закончила на отлично. И была довольна своим существованием.

И тут – письмо о смерти матери. И официальное уведомление о необходимости прибыть на оглашение завещания.

Глупой я никогда не была, поэтому сразу же проверила все через магический реестр. Ну, действительно. Надо выяснить: она умерла или они с Моррисом просто пытаются заманить меня домой?

Все оказалось правдой.

И вот я стою у ворот родового поместья...

– Давай, Эмая, просто войди, – шепотом подбодрила себя.

Ключ у меня каким-то образом сохранился, но использовать его что-то мешало. Ворота приоткрылись сами: сила рода признала блудную дочь. Спасибо, конечно, но я ненадолго. У двери пальцы потянулись к звонку, а ключ так и остался в кармане.

Не уверена, что успела нажать. Дверь открылась, как если бы он стоял там и ждал меня.

Он – в смысле Моррис, а не дворецкий.

Открыл и замер, разглядывая. На мгновение в голове возникла злорадная мысль, что вот сейчас он спросит, кто я и к кому пришла. Но мысль как возникла, так и исчезла. Потому что он смотрел именно на меня.

Ну и я окинула его взглядом, раз уж все равно в данный момент была лишена возможности пройти в холл. Не сказать, что фейри сильно изменился. Все такой же худой и слегка нереальный. Разве что стал шире в плечах, и брови тоже сделались чуточку шире. Выражение благородной скорби на породистом лице заставило меня внутренне фыркнуть.

Ничего не меняется. Как будто я вернулась на шесть лет назад.

– С возвращением домой, детка, – кашлянув, произнес Моррис.

И вдруг зачем-то попытался меня обнять, но я вовремя успела сделать два шага назад.

Шесть лет назад этот маневр закончился бы падением с лестницы, но теперь я не была такой неуклюжей.

– Привет, – пора было уже что-то выдавить.

– Прости. – Он сделал вид, что смутился. – Я думал, тебе это нужно.

Небольшим усилием воли мне все-таки удалось заставить себя не скривиться. Надо признать, лицемер он потрясающий. Всегда был.

– Если мне что и нужно, то это горячая ванна и отдых, – произнесла без тени эмоций. – А ты мешаешь войти.

Он вздрогнул, будто только сейчас обнаружил, что занимает дверной проем. И, естественно, сразу же отодвинулся в сторону.

– Прости. – Кое-кто повторяется. – Я... засмотрелся.

Сердце пропустило удар, когда я перешагивала порог. Следом влетел чемодан.

Взгляд невольно прошелся по знакомой обстановке. Она совсем не изменилась. Например, с места, где я стояла, по-прежнему были видны проем, ведущий в каминный зал, и два портрета, висящих над камином. На одном – герцог, на другом – его жена. Мои родители. Хотя, войди вдруг сюда человек, не знакомый с семьей даже по слухам, он запросто мог принять их за отца и дочь. Крепкий и статный, но уже седеющий мужчина и красивая черноволосая девушка в роскошном платье с украшениями из драгоценных камней.

– Ты очень изменилась, – вновь подал голос тот, кого я не хотела бы здесь видеть. – Красивое платье. И шляпка тебе идет. А волосы красить не следовало...

– Да, теперь я не блеклая мышь.

Терпеть не могу, когда пытаются мной помыкать, сразу начинаю раздражаться.

А вот Морриса раздраженным я, кажется, никогда не видела.

– Мая, ты никогда не была мышью, – мягко возразил фейри и слегка улыбнулся. – Тем более блеклой.

Лесть. Этим искусством он владел в совершенстве еще тогда, в семь лет.

Но я неоднократно видела свое отражение в зеркале и с тех же пор понимала, что яркая внешность матери мне по наследству не передалась.

– Не называй меня так, – впервые удалось не вспылить и произнести эту фразу спокойно.

Уголок его рта дернулся от с трудом сдерживаемой усмешки. Ему всегда нравилось меня доставать.

– Это сложно, – усмешка все-таки прорвалась.

– Уж приложи усилия, – отрезала я и направилась к лестнице. – Я могу остановиться в старой комнате?

– Конечно, она все еще твоя.

Что он тащится за мной, обнаружила только возле своих прежних владений, уже открыв дверь.

– Ну что еще?! – Я круто развернулась на каблуках и полыхнула на фейри взглядом.

– Я думал... кхм... тебе захочется поговорить, – выдал он опять вроде бы смущенно. – Все-таки ты недавно потеряла мать. Могу себе представить, что ты сейчас чувствуешь. И еще мне интересно, как ты жила все это время.

Последнюю фразу решила не услышать, потому что ответ предполагался только один, совсем не достойный аристократки: «Не твое собачье дело».

Что же до остального...

– Вот только не надо этих страданий, – в голосе все-таки звучали горькие нотки. – Она была скорее твоей матерью. Поэтому сейчас я не чувствую ни-че-го.

Оказалось приятным сказать это вслух. Как будто мама могла услышать, и ей могло стать больно.

Моррис сделал печальную-печальную мордочку и чуть подался ко мне.

– Мая, мне безумно жаль... – сказал тихо и проникновенно и опустил взгляд.

– Иди к демонам! – вполне себе вежливо ответила я и закрыла дверь у него перед носом.

Прислонилась к двери, выдохнула. Этот кошмар надо просто пережить.

Комната совсем не изменилась. Даже ополовиненный флакон духов стоял на прежнем месте, а в гребне застрял один темно-каштановый волос. Но пыль отсутствовала, даже белье на кровати было постелено свежее. Бытовые заклинания мать не жаловала, значит, здесь прибирались.

Я щелкнула замком и направилась в ванную, раздеваясь на ходу.

Собственная ванна и забитая вещами гардеробная – без них я больше всего скучала первые два года в столице. В общежитии был общий душ, один на этаж, его мне приходилось делить с еще двумя десятками владеющих магией мегер. А учитывая, что я не происходила из рода потомственных ведьм, явилась в поношенном платье и без вещей, плюс была немного неуклюжей... это оказалось труднее, чем поступить в академию и потом учиться.

Нет, не все ведьмы злобные. Но «нормальные» как-то быстро сбились в стайки, и мне не повезло примкнуть к одной из них. А остальные... Некоторые были темными, некоторые просто мелочными и завистливыми. Получив прыщавую порчу, лишившись единственного платья и пару раз оказавшись посмешищем для всего курса, я тоже решила быть темной.

Медленно, со вкусом, улыбнувшись воспоминаниям, я погрузилась в горячую воду. Мм... Прелесть что такое. Стоящие на полочках косметические средства давно пришли в негодность, но я привезла свои, так что меня ждал как минимум час ароматного блаженства.

Времени мстить каждой ведьме по отдельности у меня не было, поскольку на третий день учебы я устроилась на работу. Задача стояла – просто выжить, успевать при этом посещать занятия, спать и иногда есть. Поэтому расквиталась со всеми обидчицами разом: заманила их в оранжерею и заставила прекрасные белые орхидеи брызгаться ядом, от которого оставались трудно выводимые красные пятна на лице. Как же эти потомственные ведьмы верещали!

Большинство из них оказалось способно только носиться с криками по оранжерее или от испуга взобраться на балки под крышей. Колдовали немногие. Из них только три – успешно.

Когда вошла ведьма-преподавательница, я мысленно простилась с собственной головой. Но она лишь присвистнула восхищенно, сказала, что давно не видела столько злости и боли в семнадцатилетней девчонке, посоветовала этим вопящим курицам учить защиту, а меня взяла в свою группу. Изучать темные силы.

С тех пор меня в академии прозвали Хищной Орхидеей...

Ведьмы, конечно, пытались мстить, но, получив еще пару раз сдачи, отстали.

А я вздохнула с облегчением, потому что не привыкла быть все время начеку. К тому же учеба и работа и так отнимали почти все силы, а тут еще это глупое состязание – кто кому подлее напакостит. Я рада, что быстро выиграла.

...Некоторое время позволила себе просто полежать в ванне, ощущая, как уходит усталость, а обжигающе горячая вода дает приятную расслабленность. Потом взяла привезенную с собой грубую губку и принялась оттирать накопившуюся за день грязь.

Мыла, масла, ароматные кремы...

Особое внимание уделила рукам. Натерла кожу до красноты, затем нанесла состав, превратившийся в прочную пленку. Достаточно сильно жгло, но я привыкла терпеть. Снимать состав через четверть часа тоже достаточно неприятно, потом надо нанести миндальный крем. Но даже он не помог сделать нежными, как прежде, большой и указательный пальцы правой руки.

Подарок на память от моей первой работы.

Необученная ведьма в столице оказалась нужна лишь в одном месте. Достаточно неприятном. Пришлось наняться в мастерскую, где, перед тем как использовать заново, обрабатывали камни, извлеченные из старых, пришедших в негодность амулетов и артефактов. Простая, чисто механическая работа. Взять

камень из ящика и на несколько мгновений положить его на специальную подставку. Дать небольшой импульс силы. Держать, пока на него светит луч из закрепленного сверху очищающего камня. Держать обязательно, потому что остатки магии заставляют камни искриться и скатываться. Потом – ослепнуть от боли в обожженных пальцах. Бросить чистый камень в другой ящик.

И так раз за разом.

Платили, правда, хорошо, мне хватало на жизнь, и покупать камни, необходимые для занятий, не приходилось. Нам разрешали брать немного. Но день, когда я уволилась с первой работы, я все равно считала счастливейшим за последние шесть лет.

Еще раз тоскливо поглядев на свои покрасневшие, неприятные на ощупь пальчики, я, пошатываясь, прошла к кровати. Она, конечно, стала слишком маленькой и узкой для меня, но эту проблему можно решить и завтра.

А теперь спать...

Засыпая, я представляла, как стану хозяйкой поместья и прикажу Моррису собирать вещи и выметаться. Посмотрю тогда на его скорбно-сочувственное лицо. И проверю, останется ли при нем его наигранное благородство.

Знаю, что этого никогда не случится. Уж о ком о ком, а о своем любимце мать позаботилась наверняка. Но помечтать ведь можно?

Глава 2

«Ла-ла-ла-ла-ли-ла-ла...»

Навязчивый звук все не прекращался.

Я со стоном приподняла голову с подушки и разлепила глаза.

Моргнула.

Вспомнила, где нахожусь.

Музыкальная шкатулка – практически единственный подарок матери. То есть мама всегда давала некоторое количество монет, когда я выбиралась в город, и я всегда могла купить себе что хочется. И на праздники мне что-нибудь дарили. Сначала спрашивали, что мне нужно, и через несколько дней вручали. Но это являлось обязанностью слуг. И такие подарки не радовали. Со шкатулкой же вышло иначе: я вошла в комнату, а она стояла на туалетном столике открытая и издавала нежную мелодию. В тот день мне исполнилось двенадцать, и я наивно решила, что маме все-таки есть до меня дело.

Сегодня шкатулка тоже непостижимым образом оказалась открыта.

Я беззвучно фыркнула.

Присутствуй в поместье призрак, я бы узнала об этом еще вчера. А значит, кто-то просто вошел в комнату, пока я спала, и открыл шкатулку.

Очень смешно.

– Доброе утро, мама, – сказала зачем-то.

Затем с помощью крошечного импульса силы заставила крышку опуститься и отправилась приводить себя в порядок.

По дороге в столовую я наконец наткнулась на кого-то из слуг.

– С возвращением, госпожа!

Низкие поклоны и выражение благоговения на лицах.

Ну-ну.

– Соболезнуем вам, такая утрата.

– Ваша матушка два последних месяца тяжело болела, но не волнуйтесь, господин Моррис все это время почти не покидал поместье. Он хорошо заботился о ней.

Последняя информация исходила от пожилой экономки.

Немного неловко, что я даже не знаю, от чего скончалась герцогиня. Между прочим, должны были мне сообщить. Я имею в виду, раньше, все же два месяца – это долго.

Но сейчас я могла только кивнуть и пройти в столовую.

Моррис уже был там. В глубине души я ожидала увидеть его на хозяйском месте во главе стола. А что, почему бы и нет? Но фейри сидел на своем месте. То есть на том, которое он украл у моего несуществующего брата.

Сидел над нетронутым завтраком и с сосредоточенным видом смотрел в лежащую рядом газету.

Сквозь большие окна в комнату лился солнечный свет. Некоторые лучи падали фейри на лицо, делая его не таким нереальным.

Я невольно отметила, что он повзрослел. Ну да, логично, теперь это не семнадцатилетний мальчишка, а молодой мужчина. Уже не такой тощий, немного более реальный и уверенный. И наверняка еще более опасный.

– Доброе утро, Мая. – Он оторвался от чтения и посмотрел на меня.

– Эмая, – поправила, проходя к столу, где было накрыто и для меня.

Лучше Орхи.

Но этого я ему не скажу. Обойдется.

– Ты стала такой взрослой, самостоятельной... – Пока я шла, он встал и галантно отодвинул мне стул. Пришлось благодарно кивнуть. И дернуться от неожиданности, когда его прохладные пальцы вдруг скользнули по щеке. –

И очень красивой.

– Сделаешь так еще раз, пальцы сломаю, – сказала ласково.

Не знаю, поверил ли. Он никогда не воспринимал мои угрозы всерьез.

Но, главное, – вернулся на свое место и больше не ломился в мое личное пространство.

– Меньше колючек, – в его голосе на мгновение зазвучал смех. Впрочем, тут же и исчез: неприлично сейчас веселиться. – Нам предстоит некоторое время провести под одной крышей. Давай постараемся уживаться мирно.

Если ты перестанешь считать меня своей не то сестренкой, не то невестой. А лучше прямо на этом месте разлетишься серебряными искорками и прекратишь отравлять мне жизнь. Это был бы потрясающий вариант.

Произнесла я, конечно, другое:

– Сколько именно времени?

Это был завуалированный вопрос о дате оглашения, если вдруг кто-то не понял.

– Завещание зачитают через два дня, – сообщил Моррис, разливая чай по фарфоровым чашечкам.

Терпимо.

Перед ним стояла тарелка с пышным омлетом, из которого выглядывали кусочки овощей и бекона. А меня ожидал еще и десерт – вафля в вазочке на высокой ножке, обсыпанная свежими ягодами. Вопиющее нарушение приличий. Во время траура – никакого десерта! Но кто-то помнил, что я люблю...

– Как она умерла?

Мне просто полагалось знать.

– Мы попали под дождь во время охоты, – глухим голосом поведал Моррис. – Она подхватила воспаление легких и слегла. Мы не ожидали, что все так закончится.

Спину вновь оцарапали незримые коготки.

– Поэтому мне и не сообщили?

Фейри вернул на тарелку вилку с наколотым кусочком омлета и недоуменно приподнял уже не такую кукольную бровь.

– Я писал тебе. Ты ни разу не ответила.

Врет. Наверняка.

– Куда?

Очаровательная улыбка не только отразилась в глазах, но и обозначилась на губах.

– Когда ты сбежала, я отправился за тобой. Думаешь, сложно отыскать девушку, желающую обучаться ведьминскому искусству?

Демоны! Схватить за шкурку и притащить домой меня уже не могли, но я почему-то все равно похолодела.

– Я могла выбрать другой город, не столицу, – заметила безучастно.

– Не могла. – Фейри вновь улыбнулся. – Ты слишком амбициозна.

Вопроса о выборе тогда действительно не стояло. Я... просто не рассматривала другие варианты.

– Я нашел тебя в день экзаменов, – продолжал Моррис. – У вас как раз все закончилось, и ты выходила из замка вместе с другими девчонками.

– И что?

Опять эти когти по спине.

- Вы смеялись и, кажется, собирались за покупками. Ты выглядела такой счастливой. - Он отрезал еще кусочек омлета, хотя не съел предыдущий. - Я стоял за деревьями и смотрел. Но просто не смог вторгнуться в твой новый мир и все испортить. Так что вернулся домой и убедил матушку... прости, герцогиню... оставить тебя в покое.

- Спасибо. - А что тут еще скажешь?

- Но на письма могла бы хоть изредка отвечать. - В его голосе проскользнула обида. Или он ее изобразил. - Неужели это было так трудно?!

- Невозможно, учитывая, что я их не получала.

Ведьмы напакостили.

Или он, как всегда, врет.

Я все-таки принялась за еду, хотя разговор испортил аппетит.

- Ты, наверное, хочешь посетить склеп? - Я чуть не подавилась, честное слово! - Сейчас мне надо закончить кое-какие дела, потом провожу тебя. Идет?

- Боюсь, визит туда в мои планы не входит.

Особенно в твоей компании.

Спокойно. В его присутствии я зверею и напрочь забываю о манерах.

- Мая! - И осуждающе так посмотрел.

- Что - Мая? - За пререканиями я даже ошибку с именем пропустила. - Подумаешь, немного нарушу правила. Я же ведьма, а значит - ходячее нарушение условностей и вообще здравого смысла. Кстати, ты как фейри тоже должен чихать на традиции.

Упоминание о принадлежности к дивному народу Морриса даже поморщиться не заставило. Он продолжал все так же осуждающе на меня пялиться.

– Ты права, я прохладно отношусь ко всей этой мишуре. Хотя, раз уж живу среди людей, стараюсь уважать традиции, – медленно произнес он. Звучало так правильно, что у меня зубы начало сводить. – Но герцогиня была твоей матерью. И я думаю, что ты должна в последний раз выказать ей уважение.

Жаль, что чай уже выпила. С каким удовольствием я сейчас выплеснула бы его в наглуемую физиономию!

– Возможно, позже. – Но я нашла другой способ дать сдачи. – И без тебя.

Заявление ему не понравилось.

Но раньше чем он начал возражать, я встала и покинула столовую.

Задача провести здесь несколько дней и не проклясть этого типа становилась труднее с каждой минутой...

В семейный склеп герцогов софтГерд я все же пошла, причем сразу же после того, как Моррис скрылся в кабинете. Он прав, надо. Я не собиралась позорить семью, хотя и не планировала быть ее частью. Да и не осталось от этой семьи ничего.

Шла пешком, заодно прогулялась по знакомым местам.

При входе на кладбище ощутила легкую вибрацию под ногами. Темная сила отозвалась.

Хорошо, что я одна: пронырливый мерзавец мог заметить.

Но сегодня я пришла не колдовать...

Нашла глазами нужный склеп и направилась к нему. Естественно, наш был самый большой и старый, там покоились многие поколения хозяев Гердерского поместья. С недавних пор на одну урну стало больше.

После появления в нашем доме Морриса я часто навещала сюда. Мне казалось, будь жив отец, жизнь шла бы совсем по-другому. Впрочем, я не была уверена, что лучше. Может, фейри и его околдовал бы? Или герцог хотел сына – тогда я разочаровала бы его своим появлением... Но мне требовалось кому-то пожаловаться, а прах в урне – чем не слушатель? Закончилось все прозаично. Пронырливый подхалим узнал о моих вылазках и наябедничал маме. То есть он сказал ей, что беспокоится, что со мной творится что-то не то. Но итог всегда был один: меня наказали.

Я приложила руку, холод камней пробрал до печенок, и часть стены с шорохом сдвинулась. Уверенно шагнула в полумрак, на ходу творя заклинание ясности зрения.

Внутри пахло свечами и цветами.

Хмыкнула от догадки.

Так и оказалось: у урны герцогини стоял свежий ароматный букет. Наверное, Моррис правда был к ней очень привязан. Хотя нам в академии говорили, что дивным неведомы подобные чувства.

Постояла немного, так и не сумела откопать в себе особых эмоций, через некоторое время махнула на это дело рукой, пожала плечами и пошла к выходу. Я здесь отметилась, городские сплетники меня наверняка видели, приличия соблюдены.

Уже выходила, когда нахлынуло чувство опасности.

Настолько сильное, что закружилась голова.

Отшатнулась больше от неожиданности.

Ай, плечо!

Да что ж...

С зычным «ква-а!..» мимо склепа скакнула жаба. Боль не способствовала повышенному вниманию, но я все же успела рассмотреть красные пятна на шкурке и мелькнувший на миг длинный, раздвоенный, как у змеи, язык. Крупновата она для местной квакушки, никогда таких не видела.

Ладно, темные ведьмы противной живности не боятся. Даже ядовитой противной живности.

Я отлепилась от каменной стены, в которую так неосторожно впечаталась, поморщилась от боли и все-таки покинула склеп.

Сделала несколько шагов и вновь напряглась, услышав шорох.

А когда ведьма напрягается, она творит проклятия!

Потому что одну травму сегодня я уже получила, хватит.

Даже заклинание в той ладони горело не так ярко, как во второй.

– Не надо меня убивать, я просто подошел выразить свое почтение, – голос прозвучал малость насмешливо и совсем не испуганно.

Обернулась, не торопясь развеивать колдовство. А то новое потом опять колдуй, напрягайся. Прилагать лишние усилия я никогда не любила, особенно бесплатно.

Мужчина был неплох. Лет тридцати пяти, в хорошем костюме, с модной стрижкой. Коричневый цвет замечательно гармонировал с его глазами и волосами. На меня этот тип взирал с интересом. Но ответная симпатия зародиться не спешила. В столице я встречала более привлекательных мужчин и уже успела понять, что яркая упаковка, как правило, предупреждает о гнилом нутре. Это как с жабой: есть красные пятна – значит, ядовитая. К счастью, поняла я это на чужом опыте, а не на своем. Я сейчас про мужчин, а не про жабу, которой где-то там, в траве, наверное, уже икалось.

– Принято, – нарушила затянувшуюся паузу. – Мы знакомы? Что-то я вас не припомню.

– Позвольте представиться, – мне учтиво протянули руку, – Ашер Дерт-Видерский, с недавнего времени мэр Реведшира.

С прежнего песок от старости сыпался еще в год моего побега. Логично, что в город назначили нового.

– Эмая Аргард-Гердери. – Так и быть, не стану указывать на то, что, подойдя ко мне, он слегка нарушил приличия. Нас должны были представить общие знакомые. Никак иначе. – Рада встрече. Хотя мне сейчас не полагается говорить о радости и обо всем подобном.

Руку в его ладонь я все же вложила. И неслышно вздохнула, когда от плеча к локтю пронеслась стрела горячей боли.

– Не беспокойтесь, я никому не расскажу, – карие глаза улыбались.

Прижиматься губами к ни в чем не повинной ладошке он не стал, лишь слегка сжал, чем мне почти понравился. Но в следующий момент, уже выпуская ее, вдруг нахмурился и усилил хватку.

– Небо, что случилось с вашими пальцами, леди?!

Всего с двумя. Я просто забыла взять перчатки.

– Я не леди, я – ведьма. – Безжалостно стряхнула его руку и расправила плечи. Последнее заставило еще раз мысленно ойкнуть. Все время забываю про плечо! – А за мою недолгую карьеру со мной чего только не случилось!

Мэр выглядел шокированным и смущенным одновременно.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

– Значит, ведьма...

- Практикующая, - не скрывая гордости, добавила я.

Еще темная. Одна из лучших, что бы это ни значило.

- Выходит, быть герцогиней вы не собираетесь?

- Точно нет. - Любопытство уже казалось беспардонным, но мне не жалко было ответить.

Я стала тем, кем стала. Сама, без чьей-либо помощи. И я, демоны побери, этим гордилась.

- Мне пора. Возможно, еще увидимся... хотя вряд ли. - Прощально кивнула и собиралась развернуться, чтобы пойти к воротам, но мэр неожиданно отмер:

- Вечером у Эльсов будет небольшой прием. Уверен, вы приглашены. Приходите, нужно поговорить. У меня к вам деловое предложение. - И, помедлив немного, добавил: - Не верьте, какие бы гадости ни говорил обо мне ваш брат.

Ух ты. Я смотрю, у них здесь жизнь бьет ключом.

- Он мне не брат, - бросила, направляясь к выходу. - К тому же мы не общаемся.

- Тем более приходите.

Догонять и сопровождать меня мэр не стал.

Уже подходя к дому, осознала любопытную истину. Этот Ашер-как-там-его в наших местах недавно. Следовательно, у него не должно быть родственников на местном кладбище. А это, в свою очередь, значит, что он целенаправленно выслеживал меня.

Впечатляет. Я бы даже сказала, интригует. Но я не стану шастать по аристократическим сборищам и точно не полезу в сомнительные сделки. Я здесь всего на пару дней. Не стоит все усложнять, тогда, возможно, мне удастся выбраться отсюда без потерь.

Пока снимала платье, ушибленное плечо мстительно разболелось еще сильнее. Хорошо, что я на всякий случай сунула в чемодан небольшой набор лекарств. В полной, впрочем, уверенности, что они не пригодятся.

Нанесла мазь, охлаждающую и замораживающую боль. Сверху мазь от ушибов. Подумав, глотнула еще немного обезболивающей настойки.

Остаток дня прошел в мелких хлопотах. Я попросила слуг заменить в моей комнате кровать, отдала в стирку платье, отметила в рабочей книге, сколько каких лекарств израсходовала и что нужно в ближайшее время купить. Можно было бы заняться этим прямо сегодня, но идти в лавку было лень. Плюс ко всему начали приходить карточки с соболезнованиями. Я честно дочитала до четвертой, потом разозлилась и спалила разом все.

Достали.

Обед прошел как-то мимо меня. Об ужине тоже забыла, наверное, сработало нежелание пересекаться с Моррисом. Но голодный желудок любезно напомнил... и я решила, что какой-то фейри совсем не повод портить свое здоровье.

Желание надеть остроконечную шляпу и какое-нибудь откровенное ведьминское платье подавила. Только распустила волосы, позволив им лепестками пламени разметаться по плечам и спине.

Столовая встретила тишиной и пустотой.

Э-э? Нас сегодня не кормят?

– Господин распорядился накрыть в бежевой гостиной, – словно подслушав мои мысли, сообщила молоденькая служанка.

Новая, не припомню, чтобы она раньше здесь работала.

Довольно невзрачная.

Внутренне искрясь от недовольства, я прошла несколько комнат и наконец добралась до указанного места. Моррис с ужином уже были там.

- Эмая... - Мой кошмар привычно встал, чтобы пододвинуть мне стул.

В тот самый первый раз, в семь лет, он тоже так сделал. Мы оба были мелкие, стул - тяжелый и громоздкий. Он с грохотом оттащил его от стола, чтобы я могла сесть.

Хотел мне понравиться.

Но я с тех самых пор не велась на эти штучки и вообще видела его насквозь.

Пальцы на этот раз не задели щеку, только слегка тронули волосы.

- Мне не нравится цвет, - сказал фейри так, будто это имело какое-то значение.

- А мне против шерсти, что приходится лицезреть твою физиономию. Видишь, как несовершенен мир? - И поспешила сменить тему, пока фейри окончательно не испоганил аппетит: - Пишут что-то интересное?

Он не начинал ужинать, ждал меня. Возле него лежала утренняя газета. Кто вообще читает газету дважды?

Очевидно, тот, кто хочет в ней что-то найти. Но это совсем не мое дело.

- Дочь Флоксов сбежала с цыганским табором, некий аноним подозревает нашего аптекаря в торговле «пустыми» микстурами, урожай вайвы под угрозой. Как видишь, у нас все, как всегда, - закончил фейри с полуулыбкой. - Ах да, в городе новый мэр. Мерзкий тип.

Я уже была в курсе. Но свои тайны как-то привыкла хранить при себе.

Решение устроить ужин здесь оказалось не самой худшей идеей воспитанника моей матери. Старинные каменные дома даже летом хранят древний холод и крайне неохотно пускают внутрь тепло. Здесь же горел камин, не такой громадный, как в каминном зале, но гораздо более симпатичный и уютный. Его тепло приятно грело локоть, а бежевые и прохладные светло-коричневые тона вокруг действовали успокаивающе. Ну и в мягком кресле сидеть было куда

удобнее, чем на стуле, пусть и из дорогого красно-розового дерева.

Напрягало только одно: блюда приготовили по новомодным столичным рецептам. Расстарались явно для меня.

Еще и Моррис смотрел почти неотрывно. Лучше бы следил, что в рот тащит, все же с темной ведьмой ужинает!

Взгляд раздражал и заставлял противно чесаться кожу под платьем. Только поэтому я первая нарушила неуютное молчание:

– Утром в моей комнате произошло кое-что странное. – Общих тем для разговора у нас не было и быть не могло, так что сгодилась и такая. – Когда я проснулась, музыкальная шкатулка, мамин подарок, была открыта и играла.

Фейри тонко усмехнулся и посмотрел на меня так, словно ему были известны все тайны мироздания.

– Мая, с чего ты вообще взяла, что это ее подарок?

Демон белобрысый!

Вернусь в комнату, выкину эту дрянь в мусорницу.

– С того, – буркнула недружелюбно.

Мне просто хотелось в это верить. Я была ребенком, в конце концов!

Традицию совместных ужинов пора сворачивать. Не получается из этого ничего путного.

– Мне казалось лицемерием дарить тебе что-то на деньги, взятые у твоей же матери. И я после занятий помогал одному из учителей рисовать карты, переводить древние тексты, систематизировать информацию для его будущей книги, – медленно заговорил Моррис. – Того, что удалось заработать, хватило только на шкатулку. Но я знал, что ты разломаешь и выбросишь ее, как поступала со всеми моими подарками. Ты даже печенье, которое я приносил,

когда тебя наказывали, никогда не ела. Поэтому просто оставил шкатулку в твоей комнате. Понимал, что ты решишь, будто она от кого-то другого.

К концу его проникновенной речи я поймала себя на том, что отбиваю нервную дробь каблуком по полу.

Прекратила.

– Зачем?

– А ты не догадываешься? – Горьковатая улыбка шла ему даже больше, чем все другие.

– Боюсь, у меня слишком большая фантазия. – Разговаривать с ним нормально упорно не получалось. – Все, я наелась.

На самом деле нет.

Но аппетит загнулся в страшных конвульсиях.

Все, с завтрашнего дня кормлюсь в городе!

Я встала, собираясь вернуться к себе и что-то сделать со злосчастной шкатулкой, но была перехвачена за руку.

Мм, плечо...

– Мая... – Моррис собирался что-то сказать, но передумал и выдал: – Что у тебя с рукой?!

Сегодня нечто подобное мне уже говорили.

А этот вообще смотрел на мои пальцы, словно они отвалились.

Скрывать правду не было сил:

– Первые два курса я работала в мастерской по очистке камней от остатков магии артефактов, из которых их достали.

Бледнее я Морриса никогда не видела. И это притом что он всегда был слегка похож на привидение.

– Лучше бы я тогда забрал тебя домой, – глухо выдавил он.

И руку мою не отпустил.

– Не лучше, – возразила без капли сарказма. – В академии мне нравилось. Ну, в основном. А та работа в конечном счете освободила меня от обязательного распределения в какую-нибудь глушь. Тебе, конечно, все равно, но из меня получилась хорошая ведьма.

В смысле хорошая плохая ведьма.

– Мне нравится моя жизнь. В столице мой мир, друзья и... личная жизнь тоже.

Лгунья я сегодня. Нет, жизнь ведьмы, которая работает сама на себя, мне правда нравится. Но вот с друзьями-подругами так и не сложилось, для всех я навсегда осталась Хищной Орхидеей. Что же до личной жизни, которая у ведьм обычно бурная... у меня в арсенале имелись лишь три провальных первых свидания.

– Ясно, – кивнул Моррис и, прежде чем отпустить, осторожно погладил навсегда загрубевшую кожу на указательном пальце. – Не убегай, поешь нормально. Обещаю не донимать разговорами.

Шкатулка с утра помалкивала, что я сочла добрым знаком. Мистическое происшествие, конечно, носило имя «Моррис», но все равно неприятно.

И да, вчера я забыла ее выбросить.

А сегодня проснулась спозаранку с ощущением, что что-то не так, и несколько минут рассматривала потолок, пытаюсь определить, что именно. Вроде больше

никаких чудес... Ах да, лекарства! Или ингредиенты, чтобы я сама могла их приготовить, учитывая репутацию местного аптекаря.

Порядок должен быть во всем. Каждая склянка наполнена и строго на своем месте. Я так привыкла к тому, что касалось работы. Иначе мне дико неуютно.

Сначала решила выяснить, что там с отданным в стирку платьем. Ради этого пришлось выглянуть в коридор в поисках какой-нибудь служанки. Какой-нибудь – потому что ведьме личная горничная вроде как не положена.

– Что ты тут делаешь?! – Я отпрянула от неожиданности и чуть не получила тяжелой дверью по носу.

Моррис. Он стоял, прислонившись спиной к двери напротив, и гипнотизировал взглядом мою дверь. Ну, теперь уже не дверь, а меня в проеме – без макияжа, со спутанными после сна волосами, одетую в одну бледно-фиолетовую шелковую сорочку. И да, сейчас все еще стояла несусветная рань.

– Прости, что напугал.

– Не прощаю. – Я просверлила его подозрительным взглядом.

– Я просто не успел вчера сказать, что не вламывался к тебе и не открывал шкатулку. Ты же так думала, наверное?

Угу, а стоило тебе произнести другое, я сразу же изменила бы мнение.

Он меня полной дурой считает?

Задавать этот вопрос, впрочем, было уже некому. Фейри ушел.

Проводив взглядом удаляющуюся спину, я с шипением помянула демона и скрылась в комнате. Надо взять за правило: пока нахожусь в этом доме, не высовываться из своих владений в неформальном, так сказать, виде.

Прошлепала в ванную.

Обозрела в зеркале свое хмурое лицо.

Включила воду.

Хорошо, что мать все же допускала присутствие бытовой магии в поместье в разумных пределах. Иначе был бы риск состариться, дожидаясь, пока слуги натаскают воду в ведрах.

Но сегодня с местными заклинаниями определенно творилось что-то не то...

Вода оказалась черной и вязкой. И воняла гнилью.

Я моргнула – и все пропало.

Демонщина какая-то!

Магическое сканирование выявило лишь слабые отголоски тьмы. Ничего необычного, учитывая, что недавно здесь болела и умерла герцогиня, и вообще в доме постоянно живет нелюдь.

Пришлось сделать над собой усилие и все же залезть в воду. Но мылась я быстро и без удовольствия, как в душе общежития.

Ладно, теперь платье.

Когда вышла из ванной, оно уже ожидало меня, аккуратно вывешенное на специальном манекене. Вот и прекрасно, буду выглядеть соответственно своему нынешнему статусу и положению. Потому что вся остальная моя одежда, мягко говоря, не для этих мест.

Настроение, впрочем, не улучшилось, и вообще, на донышке души поселилось какое-то гаденькое ощущение. Разнообразия ради, никак не связанное с Моррисом.

– Распорядиться, чтобы подали завтрак? – уточнил дворецкий, увидев меня внизу.

Нолл. В отличие от большинства горничных, дворецкий остался прежним.

– А почему вы меня спрашиваете? – Брать на себя обязанности хозяйки даже в такой малости не хотелось. И вообще, я скучала по большому городу, своей уютной квартирке, работе... даже по некоторым безмозглым курицам-клиенткам.

– Господин Моррис будет отсутствовать весь день.

Похоже на него. Еще когда я жила здесь, он вечно совал нос в работу управляющих, проверял расчетные книги, ездил в вайвовые рощи. Это такие деревья с ягодами. Сами ягоды коричневые, сморщенные и несъедобные, но из них делают уникальное масло, а вот оно весьма ценно. В основном используется в кулинарии, но иногда и в косметике. Вроде бы именно благодаря этим рощам мы не обанкротились, как большинство других аристократов. И еще потому, что не тратили баснословных денег на поездки ко двору.

Так вот, Моррис совал свой нос всюду, куда мог дотянуться. Маму это умиляло. Меня – раздражало. Все как всегда.

– Спасибо, я поем где-нибудь в городе.

Стремительно пересекла холл... и тут взгляд зацепился за газету на подоконнике.

Сегодняшняя, но видно, что ее уже читали. А теперь положили тут, чтобы выбросить, но пока не удосужились это осуществить. Мелочь. Но рука почему-то потянулась к листам... И победное хмыканье вырвалось само собой. На одной из страниц обнаружилось «окошко». Кто-то аккуратно вырезал небольшую заметку.

Интуиция у меня всегда была на уровне.

В городе явно что-то происходит. Ну, помимо назначения нового мэра и прочей ничего не значащей провинциальной возни. Может, даже не просто в городе, а в поместье.

Но я не хочу в это вникать.

Я иду завтракать, потом за покупками.

Ради такого случая, пожалуй, даже прикажу заложить экипаж.

Глава 3

Приличная кофейня в Реведшире все так же отсутствовала, пришлось довольствоваться кондитерской. Помимо сладостей, которые меня не интересовали, нашлись бутерброды с жареным сыром. Кроме того, это было единственное место в городе, где водился кофе. И хозяин, сразу узнав меня, улыбнулся светло и по-доброму.

Устроившись у большого окна, я откусила небольшой кусочек и блаженно зажмурилась. Когда-то я мечтала посидеть здесь вот так. И не то чтобы мне запрещали, просто... будем честными, я так жаждала одобрения, что сама себе почти никогда не позволяла лишнего.

Но это тогда. Сейчас – совсем другая история. И я тоже другая.

Кофе явился еще одной причиной, чтобы внутренне замурчать от удовольствия. Достаточно крепкий, ароматный, а сахар и сливки я никогда не добавляла.

Завтрак вне дома оказался неплохой идеей. Жаль, что вчера не поступила так же.

– Эмая?

Демоны.

Неужели так трудно оставить человека в покое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/polyanskaya_ekaterina/hischnaya-orhideya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)